

АНДРЕЙ
ПРИТИСК

НАГВАЛЬ
МОДЕСТ

КОДЕКС НАМЕРЕНИЯ 7.0

18+

Андрей Модест)

Кодекс Намерения 7.0

<https://litres.ru/74298269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Седьмой Кодекс — это переход от теории и абстрактных концепций к прямой материализации. Когда намерения перестают быть просто желаниями или силой мысли, они становятся структурированной матрицей, способной менять тканевую основу реальности.

«Кодекс Намерения 7.0» предлагает практический инструментарий для тех, кто готов выйти за рамки стандартного восприятия и научиться управлять процессами проявления. Это руководство по работе со светом, структурой и вниманием — для полного пересбора индивидуальной картины мира и прямого взаимодействия с Намерением.

Для практиков, исследователей осознанности и всех, кто ищет точные механизмы управления собственной реальностью.

Андрей Притиск (Нагваль Модест)

Кодекс Намерения 7.0

КОДЕКС НАМЕРЕНИЯ VII

ИМАТЬ

Пролог. То, чего пока нет

Всё, что однажды появляется в мире, некоторое время существует без формы, и если смотреть только на готовое, легко принять форму за начало, хотя на самом деле она является лишь последней частью длинного движения, которое началось задолго до первого видимого следа. Дом, стоящий на земле, когда-то был возможностью в чьём-то воображении, книга, лежащая перед глазами, когда-то была несколькими неоформленными мыслями, а дорога, по которой сегодня идут тысячи людей, когда-то существовала только как направление среди множества других направлений, которые могли никогда не получить своего продолжения.

Мы привыкли замечать вещи после их рождения и почти не замечаем то пространство, в котором они находятся до рождения. Там нет привычных предметов, нет законченных событий и зачастую даже нет слов, которыми можно было бы точно описать происходящее, но именно там возникает первое отличие одного возможного мира от другого. Пока всё

возможно одинаково, ничего не движется к форме; движение появляется тогда, когда нечто начинает занимать внимание, задерживаться в восприятии и постепенно становиться более определённым, чем всё остальное.

Здесь начинается VII Кодекс.

Не с вопроса о том, как получить желаемое, и даже не с вопроса о том, как заставить реальность подчиниться намерению. Эти вопросы слишком быстро превращают живой процесс в инструкцию, а всякая инструкция рано или поздно начинает обещать человеку власть над тем, чего он ещё даже не научился видеть. Нас интересует другое: каким образом то, что не имеет формы, получает возможность войти в форму, почему одна возможность становится событием, другая исчезает, третья изменяется до неузнаваемости, а четвёртая вдруг начинает жить собственной жизнью, хотя когда-то была всего лишь мыслью.

Для этого придётся вернуться к самому началу, туда, где ещё невозможно провести привычную границу между мыслью и материей.

Мысль кажется нематериальной только потому, что мы привыкли измерять материю весом, плотностью и объёмом. Но мысль способна изменить движение руки, рука способна изменить положение предмета, предмет способен изменить пространство, изменённое пространство способно изменить поведение других людей, а их поведение способно создать события, которые через некоторое время уже никто не бу-

дет связывать с первоначальной мыслью. След становится настолько длинным, что его начало теряется из виду, и нам кажется, будто событие появилось само собой.

Ничего не появляется само собой в том смысле, в котором мы обычно употребляем эти слова.

Просто начало часто находится слишком далеко от результата.

Поэтому материализация не является чудом внезапного возникновения готовой вещи. Она гораздо прозаичнее и одновременно гораздо глубже. Это движение, при котором возможность постепенно приобретает определённую, определённую получает направление, направление находит действие, действие входит в материю, а материя отвечает собственной природой, своими законами, сопротивлением, случайностями и возможностями, после чего первоначальное намерение уже не может остаться прежним.

Именно поэтому материализация никогда не бывает простым переносом внутреннего наружу.

То, что выходит наружу, меняется.

И то, что меняется снаружи, возвращается обратно.

Книга, которую автор начал писать, в процессе написания начинает менять самого автора. Построенный дом становится средой, которая определяет привычки его жителей. Созданное дело требует решений, которых не существовало до его появления. Произнесённое слово может изменить отношения между двумя людьми, а однажды совершённый по-

ступок способен создать такую последовательность последствий, которую невозможно было увидеть в момент его совершения.

Создатель и созданное вступают в обмен.

В этом обмене и находится Живая Реальность.

Но прежде чем возможность станет формой, ей необходимо войти в восприятие.

Здесь появляется слово, которое в VII Кодексе будет иметь особое значение, потому что его привычное употребление скрывает часть его глубины. **Внимать** означает не просто слышать и не просто обращать внимание. Внимать можно тому, что действительно получило возможность быть услышанным, тому, что не было отброшено сразу после первого прикосновения к сознанию.

Внимание может скользнуть по поверхности.

Внимание может выбрать объект.

Внимание может даже изучить его.

Внимание ещё не гарантирует принятия.

Внимать означает дать воспринятому некоторое пространство внутри себя, позволить ему побыть там достаточно долго, чтобы оно перестало быть случайным раздражителем и начало вступать во взаимодействие с уже существующим знанием, опытом, памятью и намерением. Поэтому Внимание является не просто направлением взгляда, а первой формой принятия.

И здесь мы подходим к другому слову.

Имать.

В VII Кодексе оно не будет использоваться как историческое или академическое толкование происхождения современного слова «иметь». Мы создаём собственную внутреннюю работу со словом, и она имеет право существовать именно как часть языка Кодекса. Нас интересует созвучие, которое позволяет увидеть новую связь: **И-Мать**, импульс, входящий в Матерь, направление, входящее в материю, возможность, которая перестаёт существовать только внутри и начинает искать место во внешнем.

Мать здесь не означает только рождение в биологическом смысле. Мать становится образом принимающего начала, той среды, которая способна принять бесформенное и дать ему форму. Земля принимает семя, сознание принимает образ, язык принимает мысль, бумага принимает знак, дерево принимает резец, пространство принимает построенное, время принимает последовательность действий, а жизнь принимает поступок вместе с его последствиями.

Материя в таком понимании перестаёт быть мёртвым веществом.

Она становится Матерью формы.

Тогда Имать означает не захватить и не присвоить, а **ввести возможность в среду, способную дать ей существование**. Именно здесь слово начинает отдаляться от привычного «иметь», потому что иметь относится прежде всего к тому, что уже обрело форму, тогда как имать отно-

сится к движению, благодаря которому форма вообще становится возможной.

Можно иметь дом, но прежде необходимо иметь замысел дома в материю.

Можно иметь книгу, но прежде мысль должна пройти через язык, руку, клавиатуру, бумагу, экран, время и множество других слоёв, каждый из которых изменит её.

Можно иметь новое решение, но до этого решение должно быть принято настолько глубоко, чтобы оно стало способно изменить действие.

Можно иметь новую жизнь, но невозможно получить её в готовом виде, потому что жизнь не продаётся комплектом вместе с инструкцией по сборке.

И здесь становится заметной связь между Внимать и Иметь.

Внимать позволяет возможности войти в восприятие.

Иметь позволяет возможности выйти из восприятия в форму.

Но между этими движениями находится Намерение.

Если воспринятое не получает направления, оно может остаться просто впечатлением. Мы ежедневно воспринимаем огромное количество вещей, которые ничего в нас не меняют, потому что сознание не задерживает их достаточно долго или потому, что у них нет связи с направлением нашей жизни. Намерение выделяет среди множества воспринятого то, что должно получить продолжение.

Поэтому VII Кодекс не будет учить тому, как «сильно захотеть».

Сильное желание само по себе ещё ничего не гарантирует.

Иногда желание бывает огромным, а действия отсутствуют. Иногда желание исчезает после первого столкновения с реальностью. Иногда оно принадлежит не нам, хотя мы годами принимаем его за своё. Иногда желание настолько связано со страхом, что вся энергия уходит не на создание желаемого, а на попытку избежать противоположного.

Намерение устроено иначе.

Оно не просто хочет.

Оно выбирает направление.

И после выбора возникает необходимость Иметь.

Вот здесь материализация становится реальной работой.

Намерение должно найти форму действия, иначе оно остаётся внутренним движением. Действие должно найти материальную среду, иначе оно не оставляет устойчивого следа. Материальная среда отвечает сопротивлением, и это сопротивление заставляет намерение уточняться. То, что казалось простым внутри, оказывается сложным снаружи, и именно это столкновение показывает, насколько намерение действительно.

Человек может считать себя намеренным построить дом, пока не столкнулся с землёй, разрешениями, деньгами, материалами, временем, погодой и десятками мелочей, которые невозможно было увидеть из кресла. После первого настоя-

щего столкновения с материей становится понятно, было ли это намерением или красивой мыслью о будущем.

Материя проверяет намерение.

Но она не только проверяет.

Она помогает ему обрести форму.

Плотность материала заставляет проект стать точнее. Ограниченность времени заставляет выбрать главное. Ограниченность ресурсов заставляет отказаться от лишнего. Сопротивление среды обнаруживает слабое место. Неожиданное препятствие иногда приводит к решению, которое было лучше первоначального.

Поэтому сопротивление не является врагом материализации.

Без него мы получали бы только копии собственных фантазий.

А реальность интереснее фантазии именно потому, что она не обязана совпадать с нами.

Возможно, это и есть одна из причин, по которой созданное иногда оказывается лучше замысла. Автор начинает с одного представления о книге, но сама книга в процессе написания показывает ему другое направление. Художник наносит первый слой и обнаруживает форму, которой не видел заранее. Архитектор сталкивается с особенностями пространства и меняет проект. Исследователь начинает искать одно, а находит совершенно другое.

Материализация способна думать вместе с нами.

Не потому, что у материи есть человеческий разум, а потому, что столкновение намерения с реальностью производит новое знание.

И тогда процесс становится круговым.

Мы внимаем.

Воспринятое начинает жить внутри.

Намерение выбирает направление.

Имать вводит направление в материю.

Материя отвечает.

Мы снова внимаем.

Теперь уже тому, что получилось.

И новое восприятие изменяет следующее намерение.

Так возникает не лестница, ведущая от низшего к высшему, а живая спираль, в которой каждое возвращение происходит на другой глубине. Именно поэтому VII Кодекс не будет давать читателю окончательной формулы материализации. Такая формула была бы удобной, но мёртвой, а нас интересует процесс, который остаётся живым после окончания книги.

Возможно, именно здесь начинается настоящее отличие седьмой книги от всех предыдущих.

Мы больше не будем рассматривать Намерение как вершину.

Намерение становится частью движения.

Оно не заканчивает путь, а запускает его.

Видящий замечает возможность, Внимающий принимает

её в восприятие, Намерение направляет её, Имать вводит её в Матерь, форма возникает, Живая Реальность отвечает, а ответ возвращается к Видящему и открывает новую возможность.

Так возникает цикл.

И если этот цикл действительно понять, материализация перестаёт казаться чем-то далёким, предназначенным для избранных или спрятанным за непроницаемой стеной тайного знания. Она обнаруживается в каждом дне, потому что каждый день наполнен переходами от невидимого к видимому, от решения к действию, от слова к событию, от образа к форме.

Мы уже умеем материализовать.

Мы делаем это постоянно.

Вопрос заключается не в том, умеем ли мы.

Вопрос заключается в том, **что именно мы материализуем, насколько ясно это видим и готовы ли принять жизнь, которая возникнет после нашего Имания.**

С этого вопроса и будет разворачиваться VII Кодекс.

Потому что то, чего пока нет, ещё не является пустотой.

Оно является пространством возможностей.

И среди этих возможностей уже находится то, что однажды может обрести форму.

Грань Матери

Слово «Материя» слишком долго воспринималось как обозначение чего-то противоположного сознанию, будто

между мыслью и веществом проходит непреодолимая граница, по одну сторону которой находятся идеи, намерения, образы и желания, а по другую лежат камни, деревья, дома, тела и все остальные вещи, которые можно измерить, взвесить или переместить. Такое разделение удобно для рассуждения, но сама жизнь постоянно нарушает его, потому что почти любое изменение материального мира начинается с того, что сначала не имело материальной формы, а затем через последовательность едва заметных переходов становится частью пространства, времени и человеческой судьбы.

Когда мы говорим «Мать», в этом слове можно услышать не только рождение, но и способность принять. Мать принимает то, чего прежде не было в её нынешней форме, и даёт ему пространство для развития; земля принимает семя, тело принимает пищу, вода принимает растворённое вещество, бумага принимает знак, язык принимает мысль, а время принимает последовательность действий, превращая отдельные мгновения в историю. Поэтому Матерь в архитектуре Имать становится не персонажем и не мифологическим образом, а самым принципом вместимости, благодаря которому возможность получает среду для своего становления.

В этом смысле материя вовсе не является пассивной стороной процесса. Она не лежит безучастно и не ждёт, пока намерение прикажет ей стать чем-либо. У каждого материала есть собственная природа, у каждого пространства есть свои ограничения, у каждого тела есть пределы, у каждого

времени есть продолжительность, а у каждого обстоятельства есть уже существующая структура, которую невозможно отменить одним усилием мысли. Именно поэтому всякое настоящее создание требует встречи между тем, что мы хотим привнести, и тем, что уже существует до нашего вмешательства.

Возьмём самый простой пример. Из дерева можно сделать стол, но нельзя сделать из него что угодно только потому, что замысел оказался достаточно сильным. Древесина имеет волокно, плотность, влажность, размер, направление распила, способность выдерживать определённую нагрузку и множество других свойств, которые начинают участвовать в создании с первого прикосновения инструмента. Замысел вступает с материалом в переговоры, хотя сам создатель может вообще не употреблять такого слова; он меняет проект, выбирает другой способ соединения деталей, усиливает конструкцию, отказывается от первоначальной формы и постепенно приходит к результату, который уже нельзя назвать исключительно своим первоначальным намерением.

В этом и заключается одна из наиболее важных особенностей Имать: **материализация не переносит готовое внутреннее содержание во внешний мир, а создаёт новую форму во взаимодействии внутреннего и внешнего.** То, что существовало внутри, является началом, но конечная форма рождается только после встречи с тем, что находится вне него.

Эта мысль особенно важна для понимания человеческого творчества. Когда пишется книга, автор не просто вынимает готовый текст из головы и переносит его на бумагу. Сам язык оказывает сопротивление, одно слово оказывается точнее другого, одна фраза открывает неожиданную мысль, персонаж или образ начинает вести повествование в сторону, которую автор заранее не планировал, а найденное выражение иногда заставляет переписать целую страницу. Получается, что книга участвует в собственном рождении, хотя мы прекрасно понимаем, что она не обладает отдельной волей.

Материал является соучастником формы.

Это относится не только к древесине, камню, металлу или бумаге. Средой может быть язык, когда в нём воплощается мысль; человеческое тело, когда через него реализуется намерение; общество, когда в нём закрепляется новый способ взаимодействия; пространство, когда в нём возникает сооружение; время, когда последовательность действий превращает возможность в устойчивое событие. Чем сложнее среда, тем больше в ней уже существующих связей и тем меньше вероятность, что первоначальный замысел сохранится в неизменном виде.

Поэтому зрелое Иметь не пытается уничтожить сопротивление среды. Оно учится его слышать.

Здесь снова появляется Внимать, но теперь его предметом становится не первоначальная возможность, а сама материя. Тот, кто умеет только направлять, рано или поздно

начинает ломать среду под собственный замысел и тратить огромные силы на борьбу с тем, что могло бы стать частью создания. Тот же, кто умеет внимать ответу материи, способен увидеть в сопротивлении информацию и изменить движение так, чтобы намерение не исчезло, а обрело более подходящую форму.

Возможно, именно поэтому настоящие мастера редко выглядят как люди, бесконечно воюющие с материалом. Скульптор не заставляет камень стать деревом, архитектор не требует от пространства исчезнуть, музыкант не спорит с существованием тишины, а писатель не может приказать языку перестать быть языком. Мастерство возникает там, где намерение становится достаточно точным, чтобы вступить в сотрудничество с природой того, через что оно должно проявиться.

Имать поэтому требует не только силы намерения, но и качества восприятия. Чем яснее Видящий различает свойства среды, тем меньше энергии уходит на бессмысленное сопротивление и тем больше остаётся на создание. Материализация становится не борьбой между волей и обстоятельствами, а поиском такой формы, в которой замысел способен существовать без постоянного насилия над реальностью.

Здесь открывается ещё одна сторона Матери. Она не только принимает, но и преобразует.

Семя, попавшее в землю, не остаётся семенем в первоначальном смысле. Оно вступает в воду, минералы, темпера-

туру, свет, время и множество процессов, после чего из него появляется растение. Замысел дерева уже присутствовал в семени как возможность, но готового дерева там не было. Среда не просто позволила ему вырасти, она участвовала в самом способе его роста.

Так же происходит с любым настоящим намерением.

Оно входит в мир и перестаёт быть исключительно своим первоначальным образом.

Чем дольше оно живёт в материи, тем больше получает собственной истории. Оно сталкивается с другими намерениями, обстоятельствами, ограничениями, случайностями и последствиями, и всё это постепенно становится частью его формы. Поэтому невозможно создать что-либо действительно живое и одновременно сохранить над ним абсолютный контроль.

Контроль хочет, чтобы созданное оставалось таким, каким его задумали.

Материализация позволяет созданному стать тем, чем оно способно стать.

Эта разница проходит через всю человеческую жизнь, хотя редко замечается. Можно заранее представить разговор, но невозможно заранее определить каждое слово собеседника. Можно запланировать путешествие, но дорога, погода, встреченные люди и собственное состояние внесут в него то, чего не было в первоначальном плане. Можно написать программу, построить предприятие, открыть мастерскую или

создать произведение искусства, но после появления в мире любая из этих форм начинает существовать среди других форм и поэтому перестаёт принадлежать исключительно своему создателю.

Именно здесь Иметь соприкасается со свободой.

Создать означает не только воплотить своё намерение, но и выпустить его из пространства, где оно полностью зависело от тебя. Пока идея находится внутри, её можно менять одним движением мысли. После воплощения она получает последствия, а последствия уже не обязаны спрашивать разрешения.

Поэтому материализация требует готовности отпустить часть контроля.

Это не означает отказаться от ответственности. Напротив, ответственность становится глубже, потому что созданное начинает жить среди других. Если слово произнесено, его уже нельзя вернуть в прежнее состояние мысли. Если решение принято, оно становится частью истории. Если вещь создана, она занимает пространство. Если построено отношение, оно начинает существовать между двумя или несколькими жизнями. Если создана идея и она получила язык, её могут принять, отвергнуть, изменить, использовать, исказить или продолжить другие.

Матерь не гарантирует, что созданное будет принадлежать создателю.

Она только даёт ему возможность существовать.

Поэтому. Иметь нельзя свести к приобретению. В нём есть и отпусkanie, и принятие последствий, и готовность увидеть, во что превратилось первоначальное намерение после встречи с миром. Именно здесь «иметь» начинает приобретать другое звучание: иметь означает не просто обладать результатом, а принять факт его существования вместе со всей реальностью, которая теперь вокруг него возникла.

То, что действительно имано, уже нельзя считать исключительно внутренним.

Оно получило место.

Получило время.

Получило последствия.

Получило отношения с другими формами.

Получило собственную историю.

И потому Матерь не является последним этапом материализации. Она является пространством, в котором созданное начинает становиться самостоятельным.

В этом месте становится понятным, почему некоторые намерения никогда не доходят до формы. Они не выдерживают встречи с материей. Пока всё происходит внутри, намерение может казаться безупречным, но первая же попытка проявления обнаруживает его слабые места. Иногда это приводит к отказу, иногда к изменению замысла, а иногда именно здесь рождается настоящее мастерство, потому что создатель впервые перестаёт требовать от реальности подтверждения собственной правоты и начинает учиться у того, что по-

лучилось.

Материализация в таком понимании становится школой обратной связи.

Ты внимаешь возможности, направляешь её намерением, вводишь в Матерь и получаешь ответ, который снова требует внимания. Если ответ услышан, следующая попытка становится точнее. Если ответ отвергнут, приходится повторять прежнее движение, усиливая давление и удивляясь тому, почему мир продолжает сопротивляться.

Так. Имать постепенно перестаёт быть актом создания и становится **способом взаимодействия с реальностью**.

И чем глубже мы входим в этот процесс, тем яснее становится, что Матерь окружает нас повсюду. Мы не находимся отдельно от неё, не стоим снаружи, наблюдая за материей как за чужой территорией. Само тело является средой, через которую намерение получает движение, язык является средой, через которую мысль становится доступной другому, пространство становится средой действия, время становится средой изменения, а окружающий мир постоянно принимает одни наши движения и возвращает другие.

Мы уже живём внутри процесса Имать.

Седьмой Кодекс нужен не для того, чтобы научить этому с нуля, а для того, чтобы сделать невидимым привычное и привычным осознанное. Когда материализация перестаёт быть загадочным событием и становится различимым движением от возможности к форме, появляется возможность

исследовать следующий вопрос: почему одни возможности находят материю, способную их принять, а другие растворяются ещё до того, как получают первое очертание?

Ответ на него находится уже не только в Матери.

Он находится в самом намерении.

Грань намерения. Когда возможность выбирает направление

Намерение часто путают с желанием потому, что оба состояния могут начинаться одинаково: внутри возникает образ того, чего ещё нет, появляется притяжение к определённом будущему, сознание начинает возвращаться к нему снова и снова, а затем человеку кажется, будто одного этого внутреннего движения уже достаточно, чтобы назвать его намерением. Но желание может годами оставаться самим собой, не становясь ни решением, ни действием, тогда как намерение постепенно перестраивает настоящее в соответствии с тем, что должно получить форму в будущем. Оно не просто смотрит вперёд, а начинает менять сегодняшнее положение вещей, потому что выбранное направление уже не позволяет совершенно безразлично относиться к тому, что происходит вокруг.

В этом заключается первая серьёзная граница между желанием и намерением. Желание может прекрасно существовать в пространстве фантазии, не предъявляя к своему носителю почти никаких требований. Можно хотеть путеше-

ствовать, писать, создавать, менять профессию, строить дом, учиться новому или начать совершенно другую жизнь и при этом продолжать каждый день делать то же самое, что делалось вчера. Намерение устроено иначе: оно постепенно лишает настоящее права оставаться неизменным, поскольку выбранное направление начинает требовать соответствующих действий, решений и отказов.

Поэтому намерение нельзя определить только силой внутреннего переживания. Иногда самое сильное эмоциональное желание оказывается совершенно бесплодным, тогда как тихое решение, о котором почти никто не знает, постепенно перестраивает целую жизнь. Сила здесь измеряется не громкостью переживания, а способностью сохранять направление во взаимодействии с материей, временем и обстоятельствами.

Материализация начинается не тогда, когда намерение становится достаточно сильным, а тогда, когда оно становится достаточно определённым, чтобы вступить во взаимодействие с реальностью. Неясное желание невозможно воплотить именно потому, что ему нечем управлять движением: оно не различает первого шага, не знает, какую форму принять, не понимает, что необходимо оставить в прошлом и на что придётся потратить силы. Намерение может быть большим и даже почти непостижимым по масштабу, но внутри него должна присутствовать хотя бы некоторая различимость направления, иначе оно растворяется среди множе-

ства конкурирующих импульсов.

Здесь Внимать снова приобретает значение, но уже не как начальная способность замечать происходящее, а как способ различать собственное движение. Когда внимание обращается внутрь достаточно спокойно, обнаруживается, что под одним желанием нередко скрывается несколько совершенно разных причин. Желание построить дом может быть связано с потребностью в безопасности, стремлением доказать собственную состоятельность, любовью к определённом месту, желанием оставить после себя что-то материальное или простой необходимостью иметь пространство, в котором можно жить. Все эти причины способны привести к одному внешнему действию, но создадут совершенно разные формы, потому что за ними стоят разные намерения.

Поэтому Внимать собственному намерению означает не бесконечно анализировать себя, а постепенно отделять одно движение от другого, пока направление не станет достаточно чистым для действия. Это похоже на работу мастера, который не начинает резать материал, пока не различит линию, по которой должен пройти инструмент. Ошибка в начале редко остаётся маленькой: она постепенно увеличивается вместе с формой, а затем обнаруживается уже тогда, когда исправление требует разрушить значительную часть сделанного.

Но чистота намерения не означает его неизменность. Напротив, живое намерение способно уточняться, потому что

материал, через который оно проходит, постоянно сообщает ему то, чего невозможно было знать заранее. Если намерение не способно воспринимать этот ответ, оно превращается в жёсткую установку и начинает принимать любое сопротивление за враждебность. Тогда вместо материализации возникает борьба, в которой первоначальная цель постепенно теряется под огромным количеством усилий, направленных уже не на создание, а на сохранение собственной правоты.

Есть существенная разница между верностью направлению и верностью первоначальной форме. Направление может оставаться прежним, пока форма меняется десятки раз. Писатель может быть намерен создать книгу о восприятии, но первоначальная структура книги окажется непригодной, отдельные главы исчезнут, другие возникнут неожиданно, а сама тема постепенно откроется глубже, чем позволял первый замысел. Если автор держится за форму, он начинает защищать уже не намерение, а собственный первый набросок; если же он сохраняет направление, материализация получает возможность продолжаться.

В этом отношении намерение ближе к руслу реки, чем к приказу. Русло задаёт общее направление движения, но вода постоянно сталкивается с камнями, углублениями, берегами и изменениями рельефа, поэтому конкретная линия её движения никогда не определяется одной только исходной точкой. Она остаётся направленной именно потому, что умеет проходить через различия среды, а не потому, что каждый

метр её пути был заранее известен.

Так же происходит с намерением, которое действительно способно Иметь.

Оно не требует от реальности точной копии внутреннего образа.

Оно ищет такую форму, в которой его существенное содержание сможет жить.

Это различие особенно важно, когда речь идёт о больших замыслах. Большое намерение почти никогда не может быть реализовано одним действием, потому что между исходной возможностью и конечной формой существует множество промежуточных состояний, каждое из которых должно стать достаточно устойчивым, чтобы поддержать следующее. Книга возникает из страниц, страницы из абзацев, абзацы из предложений, предложения из слов и решений о том, какие слова вообще должны быть произнесены. Дом возникает из проекта, проект из множества расчётов, расчёты из измерений, а измерения становятся возможными только после определения пространства, в котором этот дом должен существовать.

Материализация дробит большое намерение на формы, которые способны существовать независимо друг от друга, но при этом сохраняют связь с общим направлением. Поэтому первый настоящий акт Иметь может выглядеть почти ничтожным по сравнению с тем, что должно возникнуть в конце. Первая страница книги не похожа на готовую книгу, пер-

вый камень не похож на здание, первый разговор не похож на новую жизнь, однако без этих малых переходов большое намерение так и остаётся в области возможности.

Именно здесь возникает опасность презрения к малому действию. Сознание любит представлять конечную форму целиком, потому что в воображении она не требует ни времени, ни усилий, ни согласования с реальностью. В воображении книга может быть закончена за несколько секунд, предприятие может уже работать, путешествие уже завершено, новое пространство уже построено, а нужные люди уже находятся рядом. Материя возвращает всё на землю, и это возвращение иногда воспринимается как потеря магии, хотя в действительности именно здесь магия впервые становится деятельной.

То, что невозможно было сделать одним движением, получает возможность существовать через последовательность.

Время становится частью Имать.

И это, возможно, одна из самых недооценённых его сторон. Мы привыкли считать время внешним условием, которое приходится терпеть, пока создаётся желаемое, однако время не просто задерживает форму, а участвует в её формировании. Благодаря времени материал может высохнуть, мысль может созреть, навык может укрепиться, отношения могут пройти через испытания, идея может встретиться с опытом и измениться, а действие может породить послед-

ствия, которые откроют следующий участок пути.

Поэтому материализация без времени почти всегда оказывается фантазией о мгновенном результате.

Живое создание требует длительности.

Причём длительность не обязательно означает медленность. Иногда годы внутренней подготовки получают форму за один день, потому что большая часть работы уже была выполнена до того, как внешнему наблюдателю стало что-либо заметно. Иногда, наоборот, внешнее действие начинается быстро, но форма требует долгого периода созревания. В обоих случаях важно не само количество времени, а то, что происходит с намерением внутри него.

Намерение, которое не выдерживает времени, часто оказывается желанием, привязанным к немедленному подтверждению. Оно хочет увидеть результат прежде, чем успело создать условия для его появления. Отсюда рождается множество разочарований: действие ещё не успело пройти необходимую последовательность, а сознание уже объявляет материализацию неудавшейся. Но если намерение действительно связано с формой, оно способно выдерживать период, когда результат ещё почти не виден.

Это не означает пассивного ожидания.

Ожидание само по себе ничего не материализует.

Время становится частью Иметь только тогда, когда внутри него продолжается соответствующее движение: создаются условия, проверяются решения, исправляются ошибки,

приобретаются навыки, меняется среда, укрепляются связи и постепенно освобождается место для новой формы. То, что снаружи может выглядеть как отсутствие результата, иногда является наиболее насыщенной стадией его формирования.

Здесь снова становится понятной роль Матери. Среда не обязана соответствовать первоначальному замыслу, а время не обязано ускоряться ради нашего нетерпения. Поэтому намерение должно обладать не только направлением, но и способностью взаимодействовать с темпом реальности. В этом взаимодействии оно либо приобретает плотность, либо постепенно растворяется, показывая, что его существование зависело преимущественно от эмоционального импульса.

Есть ещё одна причина, по которой намерение может не перейти в форму: одновременно действуют несколько направлений. Можно хотеть свободы и одновременно стремиться к абсолютной безопасности, желать перемен и всеми действиями поддерживать неизменность, стремиться создать собственное дело и одновременно бояться ответственности, которая появится вместе с ним. Внутри одного сознания способны существовать несколько намерений, и они вовсе не обязаны соглашаться между собой.

Материализация обнаруживает этот внутренний конфликт гораздо быстрее, чем размышление.

Пока противоречивые направления находятся внутри, их можно удерживать рядом и не замечать. Когда начинается

действие, они сталкиваются. Один импульс заставляет двигаться вперёд, другой заставляет откладывать. Один требует риска, другой ищет гарантии. Один хочет проявления, другой хочет сохранить возможность отступления. В результате внешняя жизнь начинает выглядеть хаотичной, хотя хаос возник не снаружи, а из столкновения нескольких направлений, каждое из которых пытается получить собственную форму.

Поэтому Иметь требует не только намерения, но и внутреннего согласования.

Не абсолютного согласия всех частей сознания, которое практически невозможно и не нужно, а достаточной ясности, чтобы главное направление получило больше силы, чем конкурирующие движения. Иногда для этого приходится отказаться от нескольких желаемых форм, которые казались обязательными. Иногда необходимо признать, что первоначальная цель была выбрана из чужих представлений. Иногда приходится оставить то, что уже создано, потому что дальнейшее поддержание этой формы требует слишком большой части жизни и больше не соответствует тому, ради чего она была создана.

Материализация поэтому связана не только с созданием, но и с выбором того, чему не следует давать форму.

Каждая форма занимает место.

Каждое решение использует время.

Каждый созданный объект требует внимания.

Каждое отношение создаёт обязательства.

Каждая система начинает потреблять ресурсы.

Поэтому способность Иметь предполагает способность различать, что действительно должно получить существование, а что лучше оставить среди возможностей. Мир не становится богаче от того, что в нём появляется как можно больше созданного. Иногда настоящее мастерство заключается в том, чтобы не материализовать лишнее, освободив пространство для того, что действительно имеет направление.

И здесь намерение впервые раскрывается не как инструмент получения, а как искусство выбора.

Возможностей всегда больше, чем доступного времени. Форм, которые можно создать, всегда больше, чем пространства, сил и внимания. Поэтому материализация начинается не с попытки воплотить всё, что приходит в сознание, а с различения того, чему действительно следует дать путь в материю.

Видящий замечает возможность.

Внимающий позволяет ей стать различимой.

Намерение выбирает её направление.

Иметь начинает её воплощение.

А Матерь показывает, во что она способна превратиться.

На этом месте мы подходим к следующей Грани, потому что даже самое ясное намерение ещё не объясняет, **каким образом абстрактная возможность приобретает**

конкретную конструкцию. Между направлением и готовой формой существует скрытый слой, где намерение собирается в структуру, и именно там начинают проявляться Магические Абстрактные Ядра, которые в VII Кодексе получают уже новое назначение: не только объяснять устройство восприятия, но и показывать, каким образом невидимая структура постепенно становится способной войти в материальный мир.

Грань Ядра. Как бесформенное собирается в форму

Между намерением и его проявлением существует область, которую трудно заметить, если смотреть только на результат, потому что готовая вещь всегда кажется более простой, чем путь, которым она была создана. Когда перед нами стоит дом, мы видим стены, окна, крышу и вход, но не видим множества решений, которые сделали именно такую форму возможной; когда читаем книгу, перед нами остаются слова и их последовательность, тогда как большая часть внутренней работы уже исчезла в готовом тексте; когда сталкиваемся с поступком, мы замечаем сам поступок, хотя ему предшествовала сложная сеть восприятий, воспоминаний, оценок, намерений и внутренних выборов, которые могли быть настолько быстрыми, что сам действующий уже не способен восстановить их последовательность.

Эта скрытая область и есть место, где возникает структура.

Возможность сама по себе ещё не обладает конструкцией. Она может быть привлекательной, сильной, почти навязчивой, но пока в ней не различены связи между частями, она остаётся скорее направлением, чем формой. Намерение общается ей, куда двигаться, однако одного направления недостаточно для того, чтобы из него возникло устойчивое проявление. Должно появиться внутреннее устройство, способное удержать движение, связать отдельные элементы между собой и провести их через время, иначе первоначальный импульс будет расходиться в разные стороны всякий раз, когда встретится с новым обстоятельством.

Именно здесь возвращаются Магические Абстрактные Ядра.

В предыдущих книгах они могли рассматриваться как инструменты различения, как особые точки, через которые восприятие способно менять собственную конфигурацию, но в VII Кодексе их значение естественным образом смещается. Теперь они становятся не только способом увидеть устройство происходящего, но и способом понять, **каким образом возможность приобретает внутренний каркас, ещё не став внешней формой.**

Ядро не является готовым ответом и не является отдельной вещью, спрятанной внутри события. Оно скорее обозначает устойчивую связь, без которой определённое проявление не может состояться. Пока эта связь не сформирована, элементы могут присутствовать по отдельности, но они не

образуют целого. Когда связь становится устойчивой, возникает способность к форме.

Это можно увидеть почти в любом создании.

Нельзя построить работающий механизм, просто собрав рядом достаточно большое количество деталей. Нельзя получить книгу, сложив в одном файле множество красивых предложений. Нельзя создать живое отношение только из хороших намерений. Нельзя превратить набор знаний в мастерство, если между ними не возникла действующая связь, позволяющая применять одно знание через другое. В каждом случае существует скрытая организация, которая определяет, станет ли множество отдельных элементов формой или останется множеством.

Ядро находится именно в этой организации.

Поэтому Магическое Абстрактное Ядро не следует представлять как некую мистическую сущность, которая однажды появляется в сознании и начинает совершать работу вместо того, кто намерен создать. Такое понимание снова сделало бы из живого процесса удобную сказку о внешней силе. Ядро интересно совсем по другой причине: оно позволяет увидеть устойчивый принцип, который уже действует внутри процесса, но обычно остаётся незаметным за его внешними проявлениями.

Когда музыкант создаёт произведение, в нём постепенно возникает чувство внутреннего центра, вокруг которого начинают собираться ритм, мелодия, паузы, повторения и из-

менения. Когда архитектор работает над пространством, появляется отношение между светом, объёмом, движением и назначением помещений. Когда писатель строит книгу, между отдельными главами возникает невидимая связь, благодаря которой читатель ощущает целое, даже если не способен назвать механизм этой связи. В каждом случае существует нечто, что удерживает множество элементов в одном направлении.

Это и есть работа ядра.

Оно не обязано быть сформулировано словами.

Более того, часто оно появляется раньше слов.

Можно ещё не знать, как будет выглядеть произведение, но уже чувствовать, каким оно не должно быть. Можно не иметь готового проекта дома, но ясно понимать, какое ощущение должно возникнуть внутри него. Можно ещё не знать содержания будущей книги, но уже ощущать вопрос, вокруг которого всё будет собираться. Можно не уметь объяснить собственное решение, но обнаруживать, что всякий раз возвращаешься к одной и той же внутренней точке.

Такая точка и начинает организовывать возможность.

Поэтому Иметь происходит не одним движением. Сначала возможность входит в восприятие, затем среди множества её свойств начинают выделяться устойчивые связи, после чего эти связи образуют внутреннюю структуру, а уже структура позволяет направлению пройти через материю с меньшими потерями. То, что снаружи выглядит как внезапное про-

явление, изнутри оказывается результатом долгого собирания.

Именно поэтому иногда кажется, что человек вдруг понял, что делать, хотя на самом деле понимание готовилось задолго до того, как стало осознанным. Разрозненные наблюдения, ошибки, разговоры, чтение, опыт и случайные впечатления постепенно складывались вокруг одной точки, пока количество связей не стало достаточным для нового целого. Сам момент понимания может быть коротким, но он не является началом процесса. Он является проявлением уже собранной структуры.

В этом отношении Ядро похоже на зерно, но не потому, что в нём заранее находится готовая форма будущего дерева. Скорее оно содержит принцип организации, благодаря которому множество процессов может начать двигаться согласованно. В зерне нет маленького дерева, ожидающего удобного случая выбраться наружу; есть сложнейшая возможность развития, которая вступает во взаимодействие со средой и постепенно создаёт то, чего прежде не существовало в готовом виде.

Так же развивается намерение.

В нём не содержится готовое событие.

В нём может содержаться принцип, вокруг которого событие станет возможным.

И это различие чрезвычайно важно для материализации, потому что попытка заранее удержать конечную форму ча-

сто делает намерение хрупким. Мы представляем результат настолько подробно, что любое отклонение воспринимается как ошибка, хотя именно отклонения иногда и позволяют первоначальному принципу обрести более жизнеспособное воплощение.

Представим человека, который решил создать мастерскую. В его воображении уже существует помещение, инструменты, расположение столов, освещение, вывеска и даже то, как он будет заходить туда утром. Если всё это принять за само намерение, то любое изменение проекта будет казаться потерей. Но если за внешними деталями увидеть более глубокое ядро, например потребность создать пространство для самостоятельной работы, точности, ремесла и свободы, то форма может изменяться практически бесконечно, не разрушая самого направления. Помещение может оказаться другим, инструменты могут измениться, мастерская может даже переехать в совершенно иное место, но её внутренний принцип продолжит жить.

Ядро сохраняет существенное, пока форма меняется. Именно поэтому оно необходимо Имать.

Без него материализация слишком легко превращается в попытку воспроизвести картинку. С ним появляется возможность создавать живые формы, способные изменяться, не теряя своей сути.

Здесь Магические Абстрактные Ядра начинают соприкасаться с Границами Намерения. Грань не является отдельным

фрагментом целого, который можно снять и положить рядом с другими. Она показывает направление взгляда на одно и то же живое пространство. Ядро, в свою очередь, позволяет увидеть устойчивую связь внутри этого пространства, благодаря которой изменение одной части не обязательно разрушает всё остальное.

Поэтому архитектура VII Кодекса не должна становиться каталогом Ядер.

Нам не нужно снова строить энциклопедию.

Гораздо интереснее наблюдать, как одно и то же Ядро меняет своё значение в зависимости от стадии проявления. То, что на уровне восприятия выглядело как способ различения, на уровне намерения становится принципом выбора, на уровне действия превращается в критерий, а в материи получает конкретную форму. Одно и то же внутреннее основание проходит через несколько состояний, и каждое состояние раскрывает новую сторону его природы.

Материализация тогда оказывается переводом между языками.

Возможность говорит языком образа.

Намерение говорит языком направления.

Ядро говорит языком связи.

Действие говорит языком движения.

Материя говорит языком формы.

Результат говорит языком факта.

А затем факт возвращается в восприятие и снова стано-

вится материалом для нового понимания.

Поэтому невозможно провести одну окончательную линию между внутренним и внешним. Граница постоянно движется вместе с самим созданием. То, что вчера было внутренним замыслом, сегодня становится действием, завтра становится частью пространства, а через некоторое время уже влияет на новые замыслы, принадлежащие совсем другим людям.

В этом и заключается настоящая сила формы.

Она начинает продолжать себя.

Книга, однажды написанная, создаёт мысли у читателя, эти мысли становятся решениями, решения становятся поступками, поступки меняют обстоятельства, а новые обстоятельства порождают новые мысли. Никто не может точно проследить всю эту цепь до конца, потому что материализация не останавливается в момент появления первоначального результата. Она продолжается через взаимодействие созданного с остальным миром.

Поэтому создатель отвечает не только за то, что намеревался создать, но и за то, насколько хорошо он понимал структуру, которую вводил в реальность.

Это особенно заметно в системах. Если создать правило, оно начинает управлять не только тем, ради чего было придумано, но и тем, что оказывается рядом. Если создать программу, она будет работать не только с предусмотренными сценариями, но и с теми комбинациями данных, которые

автор не предполагал. Если создать организацию, в ней постепенно возникают собственные привычки, роли и способы принятия решений. Если создать учение, его последователи начинают продолжать его уже своими словами, иногда сохраняя ядро, а иногда превращая форму в нечто совершенно иное.

Форма после рождения становится самостоятельным участником.

И чем сложнее форма, тем меньше создатель способен контролировать её дальнейшее движение.

Это не ошибка.

Это естественное свойство проявленного.

Возможность свободна от многих ограничений именно потому, что ещё не имеет формы. Как только форма появляется, она приобретает не только силу, но и границы. Форма позволяет действовать, но одновременно исключает множество других вариантов. Дом защищает от дождя, но занимает определённое место. Книга сохраняет мысль, но фиксирует её в конкретном языке и последовательности. Дорога соединяет два пространства, но сама становится частью ландшафта. Любая форма что-то даёт и одновременно от чего-то отказывается.

Поэтому каждое Иметь является выбором среди возможностей.

Материализация не увеличивает мир бесконечно. Она переводит часть возможного в действительное, и тем самым

оставляет остальное за пределами данной формы. Именно поэтому способность не создавать лишнего становится такой же важной, как способность создавать необходимое.

Магические Абстрактные Ядра помогают увидеть этот момент особенно ясно. Они позволяют отличить сущностную связь от случайного украшения, направление от внешней оболочки, живой принцип от привычной формы. Когда такое различие становится достаточно точным, намерение получает свободу изменять внешнее устройство, не разрушая внутреннюю основу.

И тогда материализация перестаёт быть попыткой доказать миру собственную способность создавать.

Она становится искусством дать существование тому, что действительно должно получить существование.

Это гораздо более требовательная задача, чем исполнение желания.

Потому что желание спрашивает: «Что я хочу?»

Намерение спрашивает: «Куда я направляюсь?»

Ядро спрашивает глубже: «Что должно остаться неизменным, даже если вся внешняя форма изменится?»

А Материя задаёт свой вопрос, который невозможно заменить красивой философией: «Способно ли это существовать здесь, в этих условиях, с этим временем, с этими ограничениями и среди всего остального, что уже существует?»

Если на этот вопрос нет ответа, форма не выдерживает.

Если ответ найден, начинается настоящее создание.

Именно поэтому Ядро нельзя считать промежуточной ступенью между намерением и материализацией. Оно присутствует во всём процессе как скрытый принцип связности, позволяющий намерению не рассыпаться при переходе между различными состояниями. Пока возможность существует только внутри, ядро может ощущаться как смутная интуиция; когда начинается действие, оно становится критерием; когда появляется форма, оно проявляется через устройство этой формы; когда форма начинает жить самостоятельно, ядро становится тем, что позволяет ей сохранять узнаваемость среди изменений.

Так возможность постепенно становится реальностью, не теряя связи со своим первоначальным источником.

Но здесь появляется новая проблема, гораздо более тонкая. Даже если намерение ясно, ядро устойчиво, а материя готова принять форму, между внутренней структурой и внешним проявлением остаётся ещё один слой, без которого Иметь не может завершить своё движение. Это **образ**, который становится промежуточной средой между тем, что ещё нельзя увидеть, и тем, что уже можно сделать, и именно через него невидимое впервые получает очертания, пригодные для дальнейшего воплощения.

Следующая Грань будет говорить об Образе не как о картинке в голове, а как о первой форме, в которой возможность начинает узнавать саму себя.

Грань Образа. Первая форма невидимого

Прежде чем возможность становится вещью, она почти всегда проходит через состояние, в котором её уже можно различить, но ещё нельзя назвать готовой формой. Это состояние мы называем образом, хотя привычное значение этого слова слишком быстро сводит его к картинке, возникающей в сознании, тогда как образ способен быть гораздо более сложным явлением: он может содержать пространство, движение, отношение, ощущение, направление, последовательность и даже то, что ещё не умеет существовать в словах. Образ становится первой областью, где возможность получает очертания, достаточные для того, чтобы намерение могло с ней взаимодействовать, не разрушая её неопределённость преждевременным определением.

Когда человек ещё не знает, каким будет его будущий дом, но уже чувствует, что хочет жить в пространстве, где много света, тишины и воздуха, образ существует раньше проекта. Когда писатель ещё не знает ни названия, ни структуры будущей книги, но уже ощущает её голос, направление и внутреннее движение, книга тоже существует сначала как образ. Когда мастер берётся за материал и ещё не сделал первого движения инструментом, но уже видит в бесформенном куске то, что может из него возникнуть, его взгляд работает не с готовой формой, а с возможностью формы.

Образ поэтому нельзя считать копией будущего.

Он скорее является **способом, которым будущее становится различимым в настоящем.**

Именно здесь возникает тонкая связь между образом и намерением. Намерение задаёт направление, но без некоторого представления о том, куда это направление ведёт, ему трудно организовать движение. В то же время слишком жёсткий образ способен превратиться в клетку, потому что сознание начинает требовать от материи точного повторения внутренней картинки и воспринимает всякое отклонение как неудачу. Между этими крайностями и существует живой образ, который достаточно определён, чтобы вести, и достаточно свободен, чтобы изменяться.

Такой образ не является фотографией результата.

Он больше похож на семя формы.

В нём уже можно почувствовать будущую структуру, но ещё невозможно перечислить все её детали. Он допускает изменение, потому что его задача состоит не в том, чтобы заранее решить всё, а в том, чтобы удержать направление, пока материализация ищет подходящую форму. Благодаря этому образ способен существовать дольше одной конкретной конструкции и переходить из одного воплощения в другое, сохраняя то, что действительно было существенным.

Именно здесь становится особенно заметной работа Магического Абстрактного Ядра. Если Ядро удерживает внутреннюю связь, то Образ делает эту связь воспринимаемой. Ядро может оставаться скрытым, пока процесс ещё не приобрёл очертания, тогда как образ уже позволяет увидеть, каким образом отдельные элементы начинают собираться во-

круг общего центра. Можно сказать, что Ядро отвечает за внутреннюю связность, а Образ даёт этой связности первый способ быть замеченной.

Однако образ не обязательно возникает сознательно.

Иногда он приходит раньше любого объяснения. Внутри появляется ощущение определённого пространства, характера будущего дела, способа разговаривать, ритма работы или направления движения, и только позднее сознание начинает подбирать слова, чтобы описать то, что уже было воспринято. В таких случаях попытка сразу перевести образ в рациональную схему способна обеднить его, потому что схема фиксирует только то, что уже удалось назвать, а образ может содержать гораздо больше, чем доступно языку в данный момент.

Поэтому Внимать образу означает не спешить его объяснять.

Нужно дать ему достаточно времени, чтобы различились его устойчивые части.

Это особенно важно там, где рождается новое. Старое легко описывать существующими словами, потому что для него уже создан словарь. Новое часто сначала появляется как нечто смутное именно потому, что ещё не принадлежит привычной системе форм. Если заставить его слишком рано соответствовать известным категориям, оно потеряет часть своей возможности ещё до того, как получит шанс проявиться.

Здесь возникает особая опасность для всякого создания, которое пытается родиться изнутри. Создатель может испугаться неопределённости и начать немедленно заполнять её готовыми решениями. Он берёт знакомую структуру, знакомое название, знакомый стиль, знакомую последовательность и помещает туда новое содержание, после чего получает вполне узнаваемый результат, но уже не обязательно тот, который первоначально пытался проявиться.

Материализация не любит преждевременного заключения.

Если закрыть возможность слишком рано, она будет вынуждена существовать в чужой форме.

Поэтому образу требуется пространство.

Не пустое пространство без движения, а пространство, в котором форма может уточняться без постоянного давления требования немедленного результата. В таком пространстве можно заметить, что некоторые элементы образа исчезают сами собой, другие становятся сильнее, третьи соединяются, а четвёртые неожиданно оказываются вовсе не частью замысла, хотя в начале казались необходимыми.

Это естественный отбор формы.

Он происходит внутри почти каждого настоящего создания.

Писатель вычеркивает главы, художник закрашивает собственную работу, архитектор меняет планировку, инженер отказывается от красивого решения, потому что оно пло-

хо работает, мастер переделывает деталь, хотя ещё вчера был уверен, что именно она должна стать центром всей конструкции. Снаружи это выглядит как исправление ошибок, но внутри часто происходит более важный процесс: образ постепенно освобождается от случайного и приближается к своему ядру.

Поэтому уничтожение части созданного не всегда является разрушением.

Иногда это способ дать целому появиться.

Это трудно принять, когда уже потрачено много времени. Сознание склонно защищать вложенные усилия и считать их доказательством ценности результата. Но материя не знает, сколько времени было потрачено на её обработку. Если форма не соответствует действующему ядру, её возраст не делает её правильной. Иногда месяцы работы приходится оставить позади, чтобы несколько часов нового движения открыли более точный путь.

В этом месте Имать соприкасается с искусством отпускания.

Материализация требует способности не только добавлять, но и убирать. Нельзя бесконечно увеличивать форму, сохраняя её живой. В какой-то момент каждое новое добавление начинает мешать тому, что уже стало существенным. Пространство перегружается, связи усложняются, внимание рассеивается, а первоначальное направление теряется среди деталей, которые когда-то казались полезными.

Поэтому зрелый создатель способен спросить не только: «Что ещё добавить?», но и: «Что уже можно убрать?»

Так образ становится яснее.

Не потому, что в него добавили больше содержания, а потому, что исчезло лишнее.

Эта ясность имеет непосредственное отношение к материализации. Чем яснее внутренний образ, тем легче заметить первое действие, которое действительно связано с его появлением. Но ясность не должна превращаться в требование полной определённости. Полностью определённый образ уже почти перестал быть возможностью и превратился в проект, а проект подчиняется другим законам: расчёту, последовательности, проверке, ресурсам и техническому исполнению.

Образ живёт немного раньше проекта.

Он нужен для того, чтобы проект вообще имел из чего возникнуть.

Можно провести здесь важное различие между **увидеть** и **представить**. Представление часто строится из уже известных элементов. Мы берём то, что видели раньше, соединяем части, изменяем пропорции и получаем новый вариант. Это полезная способность, но образ в более глубоком смысле может возникнуть иначе: сначала появляется целостное ощущение, которое затем начинает искать составляющие. Мы не всегда знаем, из чего будет сделано то, что увидели внутренним взглядом, но уже можем различить характер будущего.

Так возникают многие открытия.

Сначала появляется догадка о связи, затем находятся элементы, которые способны её выразить.

Сначала чувствуется новая форма, затем язык учится её описывать.

Сначала появляется направление, затем находятся инструменты.

Материализация движется от целого к частям не реже, чем от частей к целому.

И это объясняет, почему иногда невозможно создать что-либо новое исключительно последовательным анализом уже известного. Анализ умеет разбирать существующее, но не всегда способен определить, какая новая связь между разобранными элементами ещё не получила названия. Для этого требуется образ, способный удерживать ещё не доказанное целое.

Именно поэтому Образ занимает важное место между Ядром и Материей.

Ядро удерживает возможность связанной.

Образ делает её различимой.

Намерение даёт ей направление.

Материя проверяет её жизнеспособность.

Но эти процессы не идут по прямой линии. Материя может изменить образ, изменённый образ заставляет иначе понять ядро, новое понимание ядра уточняет намерение, а уточнённое намерение возвращается к материи уже с другой

формой. В этом движении создаётся то, чего не существовало ни в первоначальном образе, ни в исходной материи.

Поэтому настоящее Иметь нельзя представить как спуск готовой идеи сверху вниз.

Это скорее **рождение формы во встрече нескольких реальностей.**

Внутреннее приносит возможность.

Внешнее приносит условия.

Ядро удерживает связь.

Образ предлагает направление формы.

Намерение сохраняет движение.

Время позволяет всему этому вступать во взаимодействие.

И из этого постепенно появляется то, что можно назвать проявленным.

Здесь материализация начинает приобретать ещё одну важную особенность: проявленная форма не обязана выглядеть так, как её представляли в начале, чтобы быть верной первоначальному намерению. Иногда именно слишком сильная привязанность к образу мешает увидеть, что намерение уже проявилось, просто в другой форме.

Человек хотел создать пространство для работы и получил не мастерскую, а небольшую комнату, которая оказалась гораздо функциональнее первоначального проекта. Автор хотел написать книгу определённого типа, но в процессе обнаружил, что книга требует совсем другой структуры.

Кто-то хотел изменить собственную жизнь и думал, что для этого понадобится переезд, новая работа и разрыв со всем прошлым, а затем обнаружил, что наиболее существенное изменение произошло внутри существующей жизни и не потребовало ни одного из ожидаемых внешних жестов.

Форма может обмануть ожидание, но сохранить ядро.

Именно поэтому результат следует оценивать не только по сходству с первоначальной картинкой.

Важнее спросить, сохранилось ли то, ради чего движение вообще было запущено.

Это различие освобождает материализацию от необходимости быть точной копией фантазии. Оно позволяет создавать более живые формы, потому что форма получает право изменяться вместе с условиями. В результате намерение становится не жёстким приказом, а устойчивой внутренней связью, способной проходить через разные способы воплощения.

Так Образ постепенно перестаёт быть только внутренним. Он начинает оставлять следы.

Сначала в словах.

Потом в решениях.

Затем в действиях.

После этого в пространстве.

А затем уже трудно сказать, где заканчивается первоначальный образ и начинается созданная им реальность.

Построенная форма продолжает хранить его даже тогда,

когда создатель перестал о нём думать. В комнате остаётся выбранное расположение окон, в книге остаётся ритм первоначального замысла, в созданном деле остаются принципы первых решений, в отношении сохраняется память о первых словах. Образ, вошедший в материю достаточно глубоко, становится частью её устройства.

И тогда происходит то, что можно назвать окончательным переходом Имать: **воспринятое перестаёт нуждаться в постоянном присутствии того, кто его создал.**

Это один из самых важных признаков настоящей материализации.

Если форма существует только пока создатель каждую минуту удерживает её в сознании, она ещё не стала самостоятельной. Если дом требует постоянного мысленного представления о том, зачем его построили, он просто сооружение. Если книга существует только в авторском объяснении и перестаёт жить после того, как автор замолкает, её форма ещё не завершила свой путь. Если же созданное продолжает работать, влиять, изменяться и вступать в отношения с другими формами без постоянного вмешательства первоначального намерения, возможность действительно получила собственную материальную жизнь.

Это не означает, что создатель исчезает из процесса. Он просто перестаёт быть единственным источником движения.

Форма начинает отвечать сама.

И здесь VII Кодекс постепенно подходит к одной из самых глубоких сторон Имать: **проявление не заканчивается рождением формы, потому что после рождения форма получает способность воздействовать обратно на реальность и создавать новые возможности.**

То, что было однажды имано, становится Матерью для следующего.

Созданная книга рождает новые мысли.

Созданный дом становится средой для новой жизни.

Созданное слово становится причиной другого слова.

Созданное решение становится условием следующего решения.

Созданное пространство начинает определять то, что в нём может происходить.

Таким образом, Мать перестаёт быть только началом рождения и становится частью бесконечной цепи проявлений. Каждая форма, получившая достаточно устойчивости, сама становится средой для будущей формы.

Именно поэтому реальность можно рассматривать как непрерывное Имать, где одно проявление постоянно становится Матерью для другого, а граница между созданным и создающим всё время перемещается.

Мы создаём пространство, а пространство начинает создавать наши привычки.

Мы создаём язык, а язык начинает создавать способы нашего мышления.

Мы создаём инструменты, а инструменты начинают менять то, что мы способны делать.

Мы создаём книги, а книги начинают создавать вопросы, которых прежде не существовало.

Мы создаём отношения, а отношения постепенно создают нас.

В этом движении исчезает привычная иллюзия о том, что существует отдельный создатель и отдельно созданный мир. Они входят друг в друга, образуя единую систему обмена, где каждое проявление одновременно является результатом чего-то прошлого и Матерью для чего-то будущего.

И тогда Имать приобретает гораздо больший масштаб, чем первоначально казалось.

Это уже не только способ материализовать личный замысел.

Это способ увидеть, как сама реальность непрерывно рождает новую реальность через уже проявленные формы.

И здесь мы подходим к следующей Грани, где потребуются посмотреть на самое неожиданное следствие этого процесса: что происходит с самим Видящим, когда созданное начинает действовать обратно и уже не просто является продолжением его намерения, а начинает менять его восприятие, его выборы и саму способность видеть возможное.

Грань Возвращения

Созданное не остаётся там, куда его поместило первоначальное.

чальное намерение. Получив форму, оно начинает возвращать воздействие обратно, и в этом обратном движении проявляется одна из главных особенностей Иметь: создатель постепенно становится частью собственного создания, а созданное, в свою очередь, начинает участвовать в создании самого создателя.

Построенное пространство меняет привычки, произнесённое слово меняет отношения, принятое решение меняет последующие решения, написанная книга меняет автора не меньше, чем читателя. Даже самая простая вещь, если она существует достаточно долго, начинает обладать собственной силой обстоятельства. Она занимает место, требует внимания, вызывает последствия, соединяется с другими вещами и постепенно становится частью той среды, в которой продолжает жить первоначальное намерение.

Поэтому проявление нельзя считать завершением пути. Оно становится новым началом, только уже на другом уровне, где созданное приобретает способность участвовать в дальнейшем движении.

Здесь Внимать получает обратное направление. Сначала внимание обращается к возможности, затем к намерению, затем к материи и форме, а после проявления должно повернуться к тому, что получилось. Не для того, чтобы оценить результат по заранее установленной мерке, а чтобы услышать его ответ.

Это тонкое различие. Если смотреть на созданное только

как на доказательство собственной правоты, всё несоответствующее первоначальному замыслу будет восприниматься как ошибка. Если же позволить форме говорить, она обнаружит то, чего не было видно на стадии замысла.

Так появляется новый круг.

Внимать.

Иметь.

Имать.

Вновь внимать.

Но теперь Внимать уже не означает вернуться назад. Оно означает принять новый уровень реальности, возникший благодаря предыдущему движению.

В этом месте Имать перестаёт быть линейным процессом. Нельзя сказать, что сначала существует намерение, затем материя, затем результат, после которого всё заканчивается. Каждое проявление становится точкой возврата, из которой рождается следующее различие, а каждое различие способно изменить дальнейшее проявление.

Поэтому Седьмой Кодекс постепенно выходит за пределы идеи материализации как получения желаемого. Материализация оказывается формой разговора с реальностью, где первоначальное намерение говорит первым, материя отвечает своей формой, а затем созданное возвращает новый вопрос.

Тот, кто не слышит этот вопрос, начинает повторять себя.

Тот, кто слышит, продолжает создавать.

И здесь возникает различие между результатом и след-

ствием. Результат можно увидеть почти сразу: вещь появилась, действие совершено, договор заключён, книга написана, помещение построено. Следствие раскрывается позже и часто оказывается гораздо значительнее самого результата, потому что включает всё, что изменилось вокруг него.

Именно следствие показывает настоящую глубину Имать.

Можно создать дверь, а вместе с ней создать возможность войти.

Можно создать дорогу, а вместе с ней изменить расстояние.

Можно создать инструмент, а вместе с ним изменить предел собственных действий.

Можно создать слово, а вместе с ним изменить чьё-то решение.

Форма никогда не существует только сама по себе. Она входит в сеть уже существующего и начинает её перестраивать.

Поэтому ответственность за материализацию начинается не после создания, а вместе с ним. Не всякое возможное должно быть проявлено только потому, что его возможно проявить. Сила без различения быстро становится накоплением форм, которые начинают требовать больше пространства, чем способны вернуть.

Зрелое Имать поэтому знает не только момент создания, но и меру.

Мера здесь не ограничивает возможность, а сохраняет

её жизнеспособность. Слишком слабая форма исчезает при первом столкновении с обстоятельствами, слишком тяжёлая форма начинает подавлять всё вокруг себя. Между ними существует состояние, в котором созданное достаточно устойчиво, чтобы существовать, и достаточно живо, чтобы продолжать изменяться.

Именно такую форму можно назвать живой.

Она не нуждается в постоянном контроле.

Она способна отвечать.

Она сохраняет ядро, не цепляясь за оболочку.

В этом отношении Магические Абстрактные Ядра получают ещё одну функцию. Они становятся тем, что позволяет различить живое изменение и распад. Форма может сильно измениться, но если её внутреннее ядро продолжает связывать части в одно целое, перед нами развитие. Если связь исчезает и остаётся только внешнее сходство, форма уже начинает распадаться, даже если внешне всё ещё выглядит прежней.

Это относится и к самому намерению.

Иногда оно меняет форму настолько сильно, что кажется, будто первоначальный замысел исчез. Но если сохранить внимание к ядру, можно обнаружить непрерывность там, где внешнее наблюдение видит только перемену. И наоборот, можно годами сохранять одну и ту же форму, не замечая, что внутреннее основание давно исчезло.

Поэтому верность намерению не равна постоянству пове-

дения.

Иногда изменить всё внешнее означает впервые сохранить главное.

В этом и заключается свобода Имать. Материализация не требует поклонения собственной первой мысли. Она требует способности распознать то, что действительно хочет получить существование, и позволить этому пройти через столько изменений, сколько понадобится.

Здесь становится понятнее и различие между Внимать и Имать.

Внимать позволяет воспринять.

Имать позволяет принять воспринятое в собственное пространство и дать ему возможность стать частью реальности.

Но принять ещё не означает присвоить.

Если воспринимаемое необходимо обязательно подчинить себе, Имать превращается в захват. Если же принятое получает возможность развиваться в собственной природе, возникает создание.

Именно поэтому в слове «Имать» так важна связь с «иметь». Иметь в глубоком смысле не обязательно означает владеть. Можно иметь землю, не владея её смыслом; иметь книгу, не понимая её; иметь возможность и никогда не воспользоваться ею. Настоящее имание начинается там, где между тобой и тем, что вошло в твоё пространство, возникает действующая связь.

Имать тогда означает не просто получить, а **дать полученному место в собственной реальности**.

Это место может быть материальным, внутренним, временным, отношенческим, творческим. Иногда оно занимает комнату, иногда страницу, иногда несколько минут жизни, иногда целую эпоху. Масштаб не определяет глубину. Маленькая форма способна изменить гораздо большее пространство, если она попадает в нужное место.

Так работает семя.

Так работает слово.

Так работает решение.

Так работает намерение.

И потому материализация не всегда выглядит впечатляюще. Самые глубокие изменения могут начинаться почти незаметно, потому что их первая форма ещё слишком мала по сравнению с последствиями, которые она способна породить.

Важно другое: она получила место.

С этого момента возможность перестала быть только возможностью.

Она вошла в причинность.

Теперь мир может отвечать на неё.

Именно это отличает проявленное от воображаемого. Воображение может быть бесконечным, но пока оно не вошло в причинность, оно не обязано ничего менять. Проявленное уже участвует в событиях и потому получает вес, послед-

ствия и собственную траекторию.

Имать переводит возможность из пространства «могло бы быть» в пространство «уже влияет».

Это и есть материализация в её наиболее простом и одновременно наиболее глубоком смысле.

Не чудо появления вещи из пустоты.

Не победа мысли над материей.

Не приказ обстоятельствам.

А введение возможности в такую связь с реальностью, при которой она начинает действовать.

Поэтому VII Кодекс не нуждается в обещании абсолютной власти над материей. Такая власть была бы слишком грубой формой понимания. Гораздо интереснее другое: научиться видеть точки, где возможность действительно может войти в существующее, и различать, какие действия способны открыть ей дорогу.

Материя не враг намерения.

Материя является его испытанием и его продолжением.

Именно она показывает, что в намерении было настоящим.

Если намерение исчезает при первом сопротивлении, оно, возможно, было только желанием. Если оно сохраняется, но становится способным изменять форму, оно уже обладает ядром. Если оно проходит через множество изменений и продолжает создавать новые связи, оно начинает жить самостоятельно.

Тогда Имать становится не техникой.

Оно становится состоянием взаимодействия с реальностью.

И в этом состоянии Видящий уже не стоит напротив мира, пытаясь заставить его соответствовать своему внутреннему образу. Он входит в него, внимет ему, принимает его ответ и снова создаёт, уже обладая тем знанием, которого не мог иметь до первого проявления.

Создание становится способом познания.

А познание становится частью создания.

Круг замыкается не возвращением к началу, а переходом на следующий уровень.

Именно здесь появляется следующая Грань, потому что если созданное начинает менять самого создателя, то возникает вопрос, который нельзя обойти: **кто именно Имать, если после каждого настоящего проявления уже невозможно остаться прежним тем, кто начал этот путь?**

Грань Преображения

Создавая, невозможно остаться полностью вне созданного. Внешне может казаться, что существует тот, кто действует, и то, на что направлено действие, однако после настоящего проявления граница между ними начинает исчезать, потому что всякая форма, вошедшая в реальность, возвращает что-то своему источнику. Иногда это возвращение происходит почти незаметно, через новую привычку или новый спо-

соб смотреть на вещи, иногда оно оказывается настолько глубоким, что спустя годы уже невозможно точно сказать, где заканчивается первоначальное решение и начинается жизнь, которую оно породило.

Поэтому Иметь никогда не бывает односторонним.

Возможность входит в материю, материя изменяет возможность, возникшая форма меняет среду, среда возвращает новое восприятие, а восприятие рождает следующее намерение. Так возникает движение, в котором невозможно назначить одного окончательного создателя, потому что каждый новый результат становится частью условий для следующего.

Это можно увидеть даже в самом простом действии. Решение научиться чему-либо сначала кажется намерением, затем превращается в повторяющиеся действия, после чего приобретённый навык начинает менять то, что доступно в дальнейшем. Уже не приходится каждый раз заново принимать первоначальное решение: созданная способность сама расширяет пространство следующих решений. То, что было результатом намерения, становится инструментом нового намерения.

Так форма начинает создавать возможность.

Именно поэтому материальный мир нельзя рассматривать как конечную остановку для внутреннего движения. Проявленная вещь, событие или отношение становятся частью новой среды, а новая среда изменяет поле возможного. То,

что вчера было недоступно, сегодня оказывается естественным просто потому, что между исходной точкой и настоящим возникла новая структура.

В этом смысле развитие не является бесконечным накоплением.

Оно является изменением самого пространства возможностей.

Каждая достаточно сильная форма перестраивает это пространство. Дорога делает доступным место, которое прежде было далёким. Инструмент делает возможным действие, которое раньше требовало огромных усилий. Знание позволяет заметить то, чего прежде не существовало в поле внимания. Отношение создаёт доверие или недоверие, и после этого многие будущие события начинают происходить уже в другой среде.

Так проявленное становится Матерью для нового.

И здесь первоначальное значение Матери раскрывается ещё глубже. Мать не только принимает семя, она создаёт условия, в которых следующее может возникнуть. Поэтому материальность не следует понимать как конечную плотность вещей. Материя является средой продолжения, где одна форма становится условием для другой.

Дом становится Матерью для жизни внутри него.

Язык становится Матерью для мысли.

Книга становится Матерью для новых книг.

Знание становится Матерью для действия.

Решение становится Матерью для последствий.

А однажды созданное намерение становится Матерью для нового намерения.

Так Имать превращается в непрерывную цепь рождения форм.

Но здесь возникает тонкое изменение самого Видящего. Пока он воспринимает себя как источник, ему кажется, что он создаёт мир изнутри наружу. Когда он замечает обратное движение, становится видно, что мир всё это время создавал его одновременно с тем, как он создавал мир. Среда формировала привычки, события формировали реакции, отношения формировали способы восприятия, созданные им вещи определяли его дальнейшие возможности.

Не было отдельного создателя, который однажды вошёл в готовую реальность.

Было взаимное формирование.

Это не отменяет личного действия. Напротив, оно делает его значительнее, потому что любое действие теперь рассматривается не только как изменение внешнего объекта, но и как внесение нового условия в собственное дальнейшее существование.

Создавая определённый способ жизни, мы одновременно создаём среду, в которой сами будем жить.

Именно поэтому не всякое желание стоит превращать в форму.

Некоторые желания прекрасно существуют как краткие

движения сознания и не требуют материализации. Другие, получив форму, начинают занимать пространство и постепенно подчинять себе внимание. То, что казалось маленьким приобретением, может стать постоянным обязательством. То, что представлялось свободой, может превратиться в новую зависимость. То, что казалось завершением, иногда оказывается началом длинной цепи последствий.

Материализация требует видеть не только первый шаг, но и способность формы продолжать себя.

Это не означает пытаться предсказать всё.

Такого знания не существует.

Достаточно различать хотя бы ближайшие связи.

Если создать форму, что она изменит вокруг себя? Если дать этому намерению место, что оно начнёт требовать? Если приобрести возможность, какие новые обязанности появятся вместе с ней? Если изменить привычку, какие другие привычки окажутся затронуты?

Такие вопросы не тормозят Имать.

Они очищают его.

Потому что зрелое намерение не стремится создать как можно больше. Оно стремится создать то, что способно продолжать жизнь в соответствии с его ядром.

Здесь становится особенно важной мера присутствия. Когда Видящий слишком сильно вмешивается в созданную форму, она перестаёт развиваться самостоятельно. Когда он полностью отказывается от неё, форма может потерять на-

правление. Между контролем и безразличием существует третье состояние, где созданное получает достаточно свободы для собственного движения, но сохраняет связь с тем принципом, из которого возникло.

Это уже не управление.

Это сопровождение.

Создатель остаётся рядом, но не пытается каждую секунду заменять собой саму форму.

Так растёт дерево.

Садовник не вытягивает его вверх руками. Он создаёт условия, защищает от того, что может уничтожить рост, иногда направляет ветви, но основное движение происходит без постоянного приказа. В этом и состоит зрелость Иметь: знать, где необходимо действовать, а где действие уже начинает мешать.

Похожим образом развивается и собственная жизнь.

На ранних этапах хочется контролировать каждую перемену, потому что ещё кажется, будто правильный результат зависит от постоянного напряжения. Позже становится заметно, что некоторые процессы уже имеют собственную инерцию. Их необходимо не толкать, а поддерживать, наблюдать и вовремя корректировать. Там, где форма стала устойчивой, постоянное давление может быть даже разрушительным.

Это не отказ от намерения.

Это доверие к созданной структуре.

Но доверие возможно только тогда, когда структура действительно существует.

Если внутри нет ядра, отпускание быстро превращается в распад. Если ядро есть, форма способна переживать изменения. Поэтому передача части контроля материи является не слабостью, а проверкой качества того, что было создано.

В этом месте Магические Абстрактные Ядра снова становятся важными. Они позволяют различить, что можно отпустить, а что нельзя потерять. Оболочка может измениться, порядок элементов может перестроиться, даже название может исчезнуть, но если внутреннее отношение сохраняется, процесс продолжает жить.

Так становится возможным создавать не вещи, а системы.
Не ответы, а пространства для ответов.

Не законченные формы, а формы, способные порождать следующие.

Это уже совсем другой уровень Иметь.

Здесь материализация перестаёт стремиться к окончательному результату. Она создаёт условия, в которых дальнейшее создание становится естественным. Один результат открывает несколько новых направлений, каждое направление может породить собственную форму, а формы начинают взаимодействовать и образуют новую среду.

Так возникает сложность.

Но сложность сама по себе не является ценностью.

Если система требует всё большего количества правил

только для того, чтобы сохранить первоначальный замысел, значит, её ядро недостаточно ясно. Хорошая структура способна удерживать большое количество проявлений через небольшое число действительно существенных связей.

В этом есть особая простота.

Не упрощение, при котором исчезают важные различия, а простота, возникающая после того, как лишние связи перестали занимать место.

И здесь VII Кодекс начинает возвращаться к одной из своих исходных идей: **материализация является не накоплением форм, а проявлением связей.**

Вещь существует благодаря связям между её частями.

Действие существует благодаря связи между намерением, телом и средой.

Отношение существует благодаря связям между несколькими сознаниями.

Общество существует благодаря огромному количеству устойчивых связей.

Даже мысль, которую мы считаем чисто внутренней, существует благодаря связи между памятью, ощущением, языком, вниманием и множеством других процессов.

Если смотреть только на объекты, мир кажется набором отдельных вещей.

Если смотреть на связи, становится видно движение.

Именно поэтому Иметь ближе к созданию связи, чем к созданию объекта.

Объект может исчезнуть, а связь продолжить существовать.

Книга может сгореть, но мысль, которую она однажды передала, может продолжить движение.

Здание может разрушиться, но созданный им способ использования пространства может перейти в другую форму.

Слово может быть забыто, но решение, к которому оно привело, продолжит действовать.

Форма конечна.

Связь может быть гораздо долговечнее.

Поэтому настоящий след намерения не всегда совпадает с тем, что было создано непосредственно.

Иногда самое важное проявление происходит там, где его никто не планировал.

И это возвращает нас к вопросу о свободе созданного. Если форма способна продолжать себя, она неизбежно начнёт делать то, чего не было в первоначальном замысле. Это не означает, что замысел оказался неверным. Это означает, что он действительно вошёл в материю и стал частью мира, где действуют другие силы.

Живое создание всегда превышает своего создателя.

Если оно никогда не превышает его, возможно, перед нами всего лишь копия.

Имать начинается там, где появляется новая реальность, которую уже нельзя полностью свести к исходной мысли.

Именно здесь Видящий перестаёт искать подтверждение

собственной способности создавать и начинает наблюдать за тем, что действительно родилось. В этом наблюдении возникает новая форма Внимания, уже свободная от первоначального ожидания, потому что созданное больше не обязано соответствовать образу, из которого вышло.

Оно получило право быть увиденным таким, каким стало.

И тогда Внимать становится зрелым.

Не ожиданием совпадения.

Не проверкой результата.

Не поиском ошибки.

А присутствием рядом с возникшей формой.

Из этого состояния возможно новое Иметь.

Потому что только увиденное во всей полноте может стать материалом для следующего создания.

Так Грани начинают соединяться в одну систему.

Видящий воспринимает.

Внимающий различает.

Намерение направляет.

Ядро удерживает связь.

Образ даёт очертание.

Матерь принимает.

Иметь проявляет.

Проявленное возвращается.

Видящий меняется.

И цикл начинается снова, но уже не с той же точки.

Каждый круг оставляет после себя изменённую реаль-

ность, а значит, следующий круг получает другой материал. Именно поэтому путь не повторяется буквально, даже если внешне некоторые события кажутся похожими.

То, что было однажды имано, уже изменило Матерь.

А Матерь, изменённая этим проявлением, уже не может принять следующее точно так же.

Так возникает развитие.

Не движение по прямой.

Не возвращение по кругу.

А спираль, в которой прежнее присутствует внутри нового, но уже не управляет им целиком.

И если VII Кодекс действительно ведёт к материализации, то его задача не в том, чтобы научить превращать каждую мысль в вещь. Его задача гораздо строже: научить различать, **что достойно получить форму, какое ядро должно пройти через изменение, где необходимо вмешательство, где требуется Внимать, а где нужно позволить созданному стать самостоятельным.**

Потому что Иметь начинается с принятия возможности, но завершается не обладанием.

Оно завершается рождением новой реальности.

Грань Живого

У проявленного есть особое свойство, которое невозможно обнаружить в момент первого замысла: оно начинает жить не только за счёт того, кто его создал. Пока возможность находится внутри, она принадлежит тому простран-

ству, в котором возникла, но после проявления входит в множество других связей и постепенно приобретает собственное движение. Именно поэтому однажды созданное уже нельзя полностью вернуть к первоначальному состоянию, даже если сам создатель решит отказаться от него.

Живое отличается от сделанного не сложностью и не внешней красотой. Оно отличается способностью продолжать движение без постоянного повторения первоначального импульса.

Это касается не только того, что принято считать живым. Идея может жить, книга может жить, язык может жить, город может жить своей памятью и привычками, созданная система может развиваться, а даже простая вещь, если она встроена в большое количество человеческих действий, получает способность влиять на дальнейшее существование. Живое здесь означает не биологию, а наличие внутреннего движения, которое не исчерпывается моментом создания.

Поэтому материализация имеет два разных результата. Можно получить форму, которая просто существует, а можно создать форму, которая начинает порождать следующее. В первом случае движение заканчивается на объекте, во втором объект становится источником новых изменений.

Разница между ними огромна.

Вещь можно поставить на место и забыть. Но если она изменила способ действия, её влияние уже вышло за пределы самой вещи. Здание может быть всего лишь зданием, а

может изменить весь ритм пространства вокруг себя. Книга может остаться набором страниц, а может заставить кого-то увидеть собственную жизнь иначе. Слово может исчезнуть из памяти через несколько минут, а может остаться внутри на десятилетия и однажды изменить решение, которое ещё даже не принято.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.